

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА ДИПЛОМАТИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д. В. Мазарчук

Минск, Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси, bande_nere@mail.ru

В статье рассмотрены основные этапы развития историографии истории дипломатии Нового времени во второй половине XX – начале XXI в. Исходным моментом является «классическая» концепция истории дипломатии, сформулированная Г. Маттингли. Автор статьи последовательно рассмотрел содержание критики «классической» концепции с позиций социальной и культурной истории. Отдельное внимание уделено дискуссии между Р. Фубини и В. Иларди по поводу содержания понятия резидентного дипломатического представительства в истории дипломатии Нового времени. Кроме того, рассмотрен вопрос связи трансформации военного дела и генезиса дипломатии Нового времени в историографии. Сделаны выводы об основных достижениях современной историографии истории дипломатии Нового времени и перспективах её последующего развития.

Ключевые слова: История дипломатии; историография; Новое время; эпоха Возрождения.

The article examines the main stages in the development of the historiography of the diplomatic history of early modern period in the second half of the 20th - early 21st century. The starting point is the "classical" concept of the diplomatic history as formulated by G. Mattingly. The author of the article consistently examined the criticism of the "classical" concept from the of social and cultural history points of view. Special attention is paid to the discussion between R. Fubini and V. Ilardi on the concept of resident diplomatic representation in the history of modern diplomacy. In addition, the issue of the relationship between the transformation of military affairs and the genesis of modern diplomacy in historiography is considered. Conclusions are made about the main achievements of modern historiography of the history of early modern diplomacy and the prospects for its subsequent development.

Keywords: diplomatic history; early modern period; Renaissance.

В XX в. основные историографические направления западноевропейской истории развивались в рамках парадигмы модернизации. Трансформация общества от традиционных форм к современным с одновременным становлением политической организации современного типа (национальное государство) расценивалась как магистральное направление социальной эволюции. К числу одного из главных критериев степени модернизации общества при этом относили рациональные формы власти и управления, а также наличие профессиональной бюрократии. Их постепенное становление расценивалось как один из подпроцессов общей трансформации социума.

Выполненные в модернизационной парадигме исследования внешней политики периода раннего Нового времени неизбежно сталкивались с проблемой соотнесённости её механизмов с общим состоянием развития государственных институтов. «Мания происхождения», от которой предостерегал Марк Блок [23, с. 20], побуждала историков выделять более или менее точные, относительно формализованные, критерии дипломатии современного типа. Отсюда внимание к периодизации дипломатической истории, ключевым разграничительным моментом в которой является граница между дипломатией Средневековья и дипломатией Нового времени.

В классическом виде концепция генезиса современной дипломатии была изложена в изданной в 1955 г. книге Гаррета Маттингли «Renaissance Diplomacy». В своих рассуждениях английский историк отталкивался от того, что в Средневековье христианская Европа воспринималась её обитателями как реальная общность, невзирая на все конфликты, которые, таким образом, носили внутренний характер. При этом убеждённость в единстве *res publica Christiana* не находила отражения в общей политической организации [17, p. 16–19; см. 11, p. 259–291].

Особенности политического устройства находили отражение в специфике средневековой дипломатии, субъектами которой фактически являлись все юридические лица и участники сеньориально-вассальных отношений. Дипломатия не являлась инструментом сношений исключительно между государствами (которые отсутствовали в современном смысле слова). Так, короли направляли миссии к своим вассалам и принимали от них в ответ посланцев. Посольства могли направлять феодальные синьоры, университеты, даже гильдии [17, p. 23–24].

Ситуация изменилась коренным образом в эпоху Возрождения (условно, между 1420 и 1530 гг.), которую Маттингли расценивал как переломную в истории западноевропейской дипломатии. «Дипломатия современного стиля, постоянная дипломатия, была одним из продуктов итальянского Возрождения», писал он в своей книге [17, p. 47]. Являясь итальянским «изобретением», ренессансная дипломатия затем была заимствована другими странами – Францией, Испанией, позднее – Англией, империей и т. д. Основным содержанием преобразований было появление резидентных дипломатических миссий (*resident embassies*).

Особенно важным в истории итальянской дипломатии периодом является время между миром в Лоди (1454 г.) и итальянским походом Карла VIII (1494 г.). Результаты прошедших в этот период изменений Маттингли назвал «новой дипломатией» (*new style of diplomacy*); сам период он определил как начало «современности» в международных отношениях.

«Новая дипломатия» характеризуется систематическим обменом резидентными дипломатическими представителями, вытеснившими специальных послов и прокураторов, задачей которых было доставлять послания или вести переговоры по конкретному вопросу [17, p. 50–53]. «Новая дипломатия» получила распространение в ведущих итальянских государствах к середине XV в., а в остальной Западной Европе стала обычной практикой в течение XVI в. [17, p. 55, 60; 18, p. 423–432].

В отличие от средневековых дипломатов *ad hoc* ренессансные дипломаты-резиденты находились в стране пребывания длительный срок, выполняя главным образом функцию информирования направившей их стороны. Переход к использованию резидентных представителей стал прямым ответом на политические события XV в. в Италии. В условиях бурных политических пертурбаций нужда в актуальной и верной информации о положении дел у соседей породила институт резидентной дипломатии.

Другой характерной чертой дипломатии раннего Нового времени был её светский характер. Если в Средние века в дипломатической теории доминировала религия, то раннее Новое время характеризуется секуляризацией политической сферы, включая внешние сношения и дипломатию. С выходом в 1520-х гг. Франции на долгосрочные союзнические отношения с Османами средневековая структура единого христианского мира окончательно потерпела крах [17, p. 148–155].

Наконец, осуществился переход к функциональной специализации в области дипломатии. Вместо почётных миссий для представителей высшего нобилитета и

прелатов эта деятельность становится прерогативной подготовленных лиц, профессионалов. При этом дипломатия оказывается определяющей на их карьерном пути, «обрастает» специфическими нормами и получает теоретическое закрепление. Одновременно происходит постепенная изоляция социальной прослойки дипломатов [18, p. 435].

Взгляды Маттингли на зарождение дипломатии современного типа можно резюмировать следующим образом. Преимущественно секулярная ренессансная дипломатическая деятельность осуществлялась профессионализирующейся прослойкой постоянных дипломатических представителей. Первоначально возникнув в Италии, эта модель была воспринята западноевропейскими государствами по причине растущего значения тесных контактов в условиях постоянных конфликтов и противоречий [24, с. 35].

Следует добавить, что учёный связал произошедшие с западноевропейской дипломатией изменения с переменами в природе военного дела. Во второй половине XV в. характер войны изменился, она стала более рациональной и цивилизованной. «Солдату была необходима поддержка в лице дипломата» – этот тезис описывает видение Маттингли изменений подхода к разрешению конфликтов на Апеннинском полуострове [17, p. 53]. С 1450-х гг. именно дипломатия, а не война, стала главным средством преодоления противоречий между итальянскими государствами [18, p. 432]. Соответственно, одним из факторов подъёма дипломатии стал упадок наёмных армий.

После работ Г. Маттингли описанная концепция стала «классической», получив закрепление в обобщающих трудах учебного характера и став теоретической основой для новых исследований в области дипломатической истории Нового времени. В частности, признавалось, что резидентное представительство является «наиболее отличительным признаком современной дипломатии» [1, p. 5–6; 3, p. 270].

В 60-80-е гг. XX в. «классической» концепции был брошен вызов с позиций социальной истории. При этом корректировались отдельные тезисы концепции, в целом же о её пересмотре речь пока не шла. Так, в написанной на материале венецианских архивов монографии Дональд Квеллер соглашался с Г. Маттингли в том, что концентрированная политическая активность во второй половине XV в. потребовала использования всё большего числа послов. Вместе с тем, утверждал он, рост дипломатической деятельности породил в Венецианской республике важную практическую проблему: необходимость поиска достаточного числа способных патрициев, желающих посвятить себя работе на дипломатическом поприще. Одним из возможных её решений стало использование резидентных послов. Таким образом, недостаток в кадрах стал одной из причин роста использования резидентных дипломатических представителей, которые могли пребывать на своих постах более длительные периоды времени и на протяжении одной каденции выполнять несколько поручений [19, p. 82].

Кроме того, соглашаясь с Маттингли в том, что переход от специальных к резидентным послам был постепенным [17, p. 88], Квеллер делал акцент на преемственности, а не на разрыве в самом процессе перехода. Он писал: «Один институт не вытеснил другой, но существовал одновременно с предшествовавшими ему; все они применялись по необходимости» [19, p. 226–228]. Тем самым исследователь подходил к мысли о невозможности построения любой точной периодизации истории дипломатии в Новое время.

Другой исследователь, Майкл Маллет, отверг тезис о том, что война и дипломатия в эпоху Возрождения представляли собой разграниченные сферы. По

мнению Маллета, они были тесно переплетены. Например, в Венеции проводиторы и дипломаты рекрутировались из одного социального слоя и на практике очень часто являлись одними и теми же лицами. О сплетении военных и дипломатических обязанностей свидетельствует, в частности, то, что резидентные представители нередко отвечали за переговоры о кондоттах, а отчёты послов заполнены информацией о войнах и размерах и качестве армий [14, p. 273–275; 16, p. 208]. Указанные выводы опирались на исследование Феррарской войны 1482–84 гг., во время которой венецианские послы оказались вовлечены во все стадии конфликта [14, p. 281–282].

Важным эпизодом в историографии вопроса стала заочная дискуссия двух итальянских историков, Риккардо Фубини и Винченцо Иларди. Опираясь на рассуждения Маттингли и Квеллера, участники дискуссии спорили по поводу содержания ключевого понятия «резидентности».

Фубини утверждал, что в административной практике Венеции и Флоренции XV в. отсутствуют свидетельства направления резидентных послов. Это говорит о том, что сам институт резидентного дипломатического представительства в итальянских государствах этого времени ещё не сформировался [7; 8; 9; 10].

Второй участник дискуссии согласился с тем, что аргументация Фубини не может быть справедливой для Милана, который развивал постоянную дипломатию именно в XV в. Кроме того, следует учесть особенности источников: появление постоянной дипломатии не находило немедленного отражения в официальной документации. Дипломатические институты развивались постепенно, а изменения официально фиксировались только тогда, когда они уже были достаточно сложившимися и утвердившимися в практике. Не исключено, что даже в Венеции XV в. власти фактически использовали резидентных послов, но эта практика до начала XVI в. не получила должного отражения в правительственных документах [12].

Следует отметить, что расхождения в выводах двух итальянских учёных могут быть объяснены тем, что они работали в разных политических контекстах, опираясь на источники разного происхождения. Иларди исследовал герцогство Миланское, где послы рекрутировались главным образом из формирующейся бюрократии и провинциального нобилитета. Фубини изучал республики, где служение посла представляло собой одну из ступенек карьеры представителей правящей олигархии (патрициата) [5, p. 23–24; 15, p. 67].

В ходе дискуссии Иларди выдвинул важное положение о разности понятий «длительности» пребывания и «постоянства»: иногда краткосрочные миссии можно отнести к резидентному дипломатическому представительству; не всегда 6-месячное пребывание посла следует расценивать как резидентное. Именно постоянство исполнения функций, по его мнению, является важнейшим критерием резидентного дипломатического представительства [12, p. 2].

Дискуссия Фубини и Иларди открыла двери для радикальной критики «классической» концепции генезиса дипломатии Нового времени. На рубеже XX/XXI вв. появилось сразу несколько исследований, авторы которых подвергли пересмотру практически все ключевые идеи Г. Маттингли.

Во-первых, критиковался тезис английского историка о росте профессионализации дипломатической деятельности как важнейшей, наряду с резидентным характером, составляющей перехода к современной модели дипломатии. По мнению историков нового поколения, распространение института резидентных дипломатических представителей в некоторых итальянских государствах XV в. не изменило практики использования неформальных каналов

внешних сношений, прежде всего торгово-финансовых сетей республиканских олигархий [2, p. 218–226; 4, p. 49–94; 13, p. 31–48; 20, p. 448].

Во-вторых, был оспорен тезис о секулярном характере внешней политики и дипломатии Нового времени, отличающем её от средневековой. Согласно Б. Вейлеру, идея *res publica Christiana* выросла из многочисленных призывов к христианам прекратить взаимное истребление и поднять оружие против неверных. В период османской экспансии произошло возрождение этой идеи. Вместе с тем, «христианский мир» всегда был риторическим оборотом, исходившим от папы, либо какого-либо иного авторитета. В конкретных случаях его применения следует искать конкретные цели, стоявшие перед тем, кто выдвигал и использовал этот лозунг [22].

Наконец, в-третьих, ряд исследователей задался вопросом, насколько распространённая в XVI, XVII или XVIII в. модель дипломатии соответствует современным образцам, является ли она типологически более близкой нашему времени, нежели Средневековью? Так, Даниэла Фриго показала, что в небольших итальянских государствах Нового времени дипломатическая деятельность всегда сопутствовала иным политическим обязанностям. Дипломаты этих государств по своим функциям оказываются сравнимы со средневековыми прокураторами (*procuratores*), но не постоянными послами, как они представлены в «классической» концепции [6].

Накопившаяся к началу XXI в. критическая масса исследований историков разных стран, а также их теоретические размышления по поводу природы и характера дипломатии Нового времени, привели к формированию новой исследовательской парадигмы. С лёгкой руки Дж. Уоткинса её принято называть «новой дипломатической историей» [21].

Исходным моментом для переоценки истории дипломатии Нового времени стал отход от национально-ориентированного подхода к пониманию дипломатии как социо-политического процесса. В результате, в поле зрения современных историков дипломатии попадают такие новые темы, как самоидентификация и рефлексия дипломатических представителей, гендерные аспекты дипломатии, роль семейных связей и неформальных сетей коммуникации, невербальные средства коммуникации – церемонии и ритуалы, роль культурного обмена, гостеприимство и другие формы реципрокности, связи дипломатии с литературой и т. д.

При этом несмотря на общее оживление дипломатической истории, внимание исследователей к проблеме генезиса дипломатии Нового времени уменьшилось, будучи перенесено на социо-культурные аспекты деятельности дипломатов.

В определённой степени итог развития историографии генезиса дипломатии Нового времени на рубеже XX/XXI вв. подвела британский историк Тесса Беверли. Она выделила три элемента, отличающих дипломатию раннего Нового времени (эпохи Возрождения) от средневековой. Во-первых, это лежащие в их основе различные понимания государственности (*statehood*) и международных отношений. Во-вторых, это резидентный (постоянный) характер пребывания посла. Наконец, в третьих, это произошедшие изменения в статусе дипломатического персонала [2, p. 8–9].

В целом для Нового времени можно говорить по меньшей мере о незавершённости процесса институционализации дипломатической деятельности [8, p. 26–28]. Это означает потребность в более детальном исследовании его региональных особенностей на Апеннинском полуострове и в странах Европы.

В заключении остановимся на тех достижениях современной

историографии, которые можно считать исходными пунктами для последующего исследования генезиса европейской дипломатии Нового времени.

На первое место необходимо поставить понимание разницы между длительностью пребывания дипломата в миссии и постоянным (резидентным) характером его деятельности. Если тот же Г. Маттингли не делал различий между постоянной (permanent) и резидентной дипломатией, то современные историки сходятся в том, что срок пребывания посла в должности сам по себе не является основанием для теоретических выводов.

Не менее важным является осознание многоплановости и разнообразия итальянской дипломатической практики XV в. (или европейской – XVI в.), которая не была однородным явлением и не может быть описана по единому шаблону. Раннее Новое время было эпохой, когда правила дипломатического этикета и протокола, международного права, дипломатического иммунитета и т. д. только начинали складываться в единый нормативный комплекс. Дипломатические практики и обычаи отдельных государств определялись уникальными для них тенденциями развития; как следствие, реакция на те или иные культурные инновации также могла быть различной.

Наконец, наметившаяся тенденция к снижению уровня проблематики в изучении истории дипломатии (актороцентризм) открывает новые возможности для понимания идеологических и культурных аспектов её генезиса. Осознание отдельным дипломатом своего места в государственном аппарате, своей роли международной политике или своих перспектив в культурном сообществе поможет взглянуть на проблему с нового ракурса.

Сегодня интерес к вопросам генезиса дипломатии Нового времени несколько спал, что связано с переносом внимания исследователей на другие аспекты дипломатической истории. Вместе с тем, эту ситуацию можно рассматривать и как некоторое затишье, после которого, возможно, последует новая волна публикаций, посвящённых интересной и актуальной проблеме становления современной дипломатии с присущими ей чертами и характеристиками.

Библиографические ссылки

1. Anderson, M. S. Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919 / M. S. Anderson. – Harlow, 1993. – 320 p.
2. Beverley, T. Venetian Ambassadors 1454–94: An Italian Elite. PhD Theses / T. Beverly. – University of Warwick, 1999. – ix+466 p.
3. Carter, C. H. Ambassadors of Early Modern Europe: Patterns of Diplomatic Representation in the Early Seventeenth Century / C. H. Carter // From the Renaissance to the Counter-Reformation: Essays in Honour of Garrett Mattingly. – N. Y., 1965. – P. 269–295.
4. Contini, A. Aspects of Medicean Diplomacy in the Sixteenth Century / A. Contini // Politics and Diplomacy in Early Modern Italy. The Structure of Diplomatic Practice, 1450–1800. – Cambridge, 2000. – P. 49–94.
5. Fletcher, C. Diplomacy in Renaissance Rome: The Rise of the Resident Ambassador / C. Fletcher. – Cambridge, 2015. – 202 p.
6. Frigo, D. “Small States” and Diplomacy: Mantua and Modena / D. Frigo // Politics and Diplomacy in Early Modern Italy. The Structure of Diplomatic Practice, 1450–1800. – Cambridge, 2000. – P. 147–175.
7. Fubini, R. Classe dirigente ed esercizio della diplomazia nella Firenze quattrocentesca / R. Fubini // Fubini, R. I Ceti Dirigenti nella Toscana del Quattrocento. – Firenze, 1987. – P. 117–

189.

8. Fubini, R. Diplomacy and Government in the Italian City States of the Fifteenth Century (Florence and Venice) / R. Fabini // *Politics and Diplomacy in Early Modern Italy. The Structure of Diplomatic Practice, 1450–1800.* – Cambridge, 2000. – P. 25–48.

9. Fubini, R. La “résidentialité” de l’ambassadeur dans le mythe et dans la réalité: Une enquête sur les origines / R. Fabini // *L’invention de la diplomatie. Moyen Age – Temps Modernes.* – P., 1998. – P. 27–35.

10. Fubini, R. La figura politica dell’ambasciatore negli sviluppi dei regime oligarchici quattrocenteschi / R. Fabini // *Forme e Tecnici del Potere nella Città (secoli XIV–XVII).* – Perugia, 1979. – P. 33–59.

11. Hale, J. R. International Relations in the West: Diplomacy and War / J. R. Hale // *New Cambridge Modern History. Vol. 1. Renaissance 1493–1520.* – Cambridge, 1957. – P. 259–291.

12. Ilardi, V. The First Permanent Embassy outside Italy: The Milanese Embassy at the French Court, 1464–1483 / V. Ilardi // *Politics, Religion and Diplomacy in Early Modern Europe: Essays in Honour of De Lamar Jensen.* – Kirksville, 1994. – P. 1–18.

13. Lazzarini, I. Communication and Conflict. Italian Diplomacy in the Early Renaissance, 1350–1520 / I. Lazzarini. – Oxford, 2015. – 326 p.

14. Mallett, M. Diplomacy and War in Later Fifteenth-Century Italy / M. Malett // *Proceedings of the British Academy, 1981.* – Vol. 67. – P. 267–288.

15. Mallett, M. Italian Renaissance Diplomacy / M. Malett // *Diplomacy and Statecraft, 2001.* – Vol. 12, № 1. – P. 61–70.

16. Mallett, M. Mercenaries and Their Masters: Warfare in Renaissance Italy / M. Malett. Totowa, NJ, 1974. – 284 p.

17. Mattingly, G. Renaissance Diplomacy / G. Mattingly. – N. Y., 1988. – 284 p.

18. Mattingly, G. The First Resident Embassies: Medieval Italian Origins of Modern Diplomacy / G. Mattingly // *Speculum, 1937.* – Vol. 12. – P. 423–439.

19. Queller, D. E. The Office of Ambassador in the Middle Ages / D. E. Queller. – Princeton, NJ, 1967. – 202 p.

20. Sowerby, T. A. Early Modern Diplomatic History / T. A. Sowerby // *History Compass, 2016.* – Vol. 14, № 9. – P. 441–456.

21. Watkins, J. Toward a New Diplomatic History of Medieval and Early Modern Europe / J. Watkins // *Journal of Medieval and Early Modern Studies, 2008.* – Vol. 38, № 1. – P. 1–14.

22. Weiler, B. *Negotium Terrae Sanctae* and the Political Discourse of Latin Christendom, c.1215–c.1311 // *International History Review, 2003.* – Vol. 25. – P. 1–36.

23. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. – М., 1973. – 232 с.

24. Мазарчук, Д. В. Современные подходы к дипломатической истории раннего Нового времени Д. В. Мазарчук // *Беларусь у кантэксте еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава. Зборнік навуковых артыкулаў, прысвечаны 80-годдзю Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы і 65-годдзю гістарычнай адукацыі ў Гродзенскім дзяржаўным ўніверсітэце імя Янкі Купалы. Часть 1.* – Гродно, 2019. – С. 34–37.

СУЧАСНАЯ БЕЛАРУСКАЯ ЭТНАЛОГІЯ

Т. А. Наваградскі

Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, TNavagrodsky@bsu.by